

Гадельшина Л.И.,
кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой «Публичного права и уголовно-правовых
дисциплин»

АНО ВО «Российский Новый Университет»

Россия, г. Москва

Носова П.В.,

магистрант

2 курса, факультет «Уголовное право и уголовная политика»

АНО ВО «Российский Новый Университет»

Россия, г. Москва

РАЗГРАНИЧЕНИЕ КЛЕВЕТЫ И РЕАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ В
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

***Аннотация.** В статье исследуется проблема отграничения уголовно наказуемой клеветы (ст. 128.1 УК РФ) от правомерной реализации конституционного права на обращение в государственные органы. На материале шести судебных актов, включая решения Конституционного и Верховного Судов РФ, анализируются вопросы адресности обращения, публичности распространения, заведомости ложности и прямого умысла. Автор предлагает систему критериев для разграничения указанных правовых ситуаций и обосновывает необходимость комплексной оценки обстоятельств каждого дела.*

***Ключевые слова:** клевета; ст. 128.1 УК РФ; право на обращение; государственные органы; распространение сведений; заведомо ложные сведения; прямой умысел; сеть Интернет; судебная практика.*

Nosova Polina Valerievna

master's student,

Law Institute, Russian New University, Russia, Moscow

**DELIMITATION OF DEFAMATION AND EXERCISE OF THE
CONSTITUTIONAL RIGHT TO APPEAL TO STATE BODIES:
ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE**

Abstract. *The article examines the problem of distinguishing criminally punishable defamation (Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) from the lawful exercise of the constitutional right to appeal to state bodies. Based on six judicial acts, including decisions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation, the issues of addressability, publicity of dissemination, knowledge of falsity, and direct intent are analyzed. The author proposes a system of criteria for distinguishing these legal situations and substantiates the need for a comprehensive assessment.*

Keywords: *defamation; Article 128.1 of the Criminal Code; right to appeal; state bodies; dissemination of information; knowingly false information; direct intent; Internet; judicial practice.*

Введение

Право граждан обращаться в государственные органы — одна из ключевых гарантий взаимодействия личности и государства. Согласно ст. 33 Конституции РФ, граждане вправе направлять личные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [1].

На практике обращение нередко связано с сообщением сведений о других лицах: о предполагаемых нарушениях прав, неправомерных действиях должностного лица, соседа, работодателя. Заявитель может ошибаться в оценке фактов или сообщать информацию, достоверность которой

впоследствии не подтверждается. Здесь и возникает сложный вопрос: где проходит грань между добросовестным обращением за защитой нарушенного права и клеветой?

Статья 128.1 УК РФ устанавливает ответственность за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию [2]. Для привлечения к уголовной ответственности недостаточно установить лишь несоответствие сведений действительности — необходимо доказать все признаки состава преступления, включая субъективное отношение лица к достоверности сообщаемой информации. На наш взгляд, именно здесь кроется основная практическая проблема: правоприменитель нередко подменяет установление субъективной стороны констатацией объективного факта — того, что сведения оказались ложными. Это создаёт риск объективного вменения, которое прямо запрещено ст. 5 УК РФ.

Особую остроту проблема приобретает применительно к электронным обращениям. Принципиально важное разъяснение дал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 4 декабря 2025 г. № 43-П, указав, что направление обращения через предусмотренные законом официальные электронные каналы само по себе не означает публичного распространения информации [5].

Цель исследования — на основе анализа судебной практики определить основные критерии разграничения клеветы и реализации права гражданина на обращение в государственные органы.

1. Право на обращение и признак распространения сведений

Право на обращение — конституционное право и одновременно способ защиты нарушенных или предполагаемых нарушенными прав. Его ценность заключается не только в возможности направить жалобу, но и в возможности привлечь внимание компетентного органа к обстоятельствам, которые гражданин считает незаконными. Однако наличие этого права не означает, что

любая информация, изложенная в обращении, автоматически исключает уголовно-правовую оценку. Конституционные права не могут использоваться для причинения необоснованного вреда правам других лиц.

При рассмотрении дел о клевете необходимо найти баланс между двумя ценностями: свободой выражения мнения и правом обращаться к государству за защитой, с одной стороны, и охраной чести, достоинства и репутации человека — с другой. Основная ошибка возникает тогда, когда суд пытается решить вопрос только по формальному признаку. Необходимо установить, для чего было направлено сообщение и как лицо относилось к содержащимся в нём сведениям. Если гражданин обращается в орган, потому что действительно считает свои права нарушенными, и просит провести проверку — это существенно отличается от поведения лица, которое использует обращение лишь как способ распространить заведомо ложные сведения [12, с. 139].

Один из основных признаков клеветы — распространение заведомо ложных сведений. Обращение по своей природе предполагает наличие определённого адресата: гражданин обращается к конкретному органу или должностному лицу. Поэтому сам факт передачи информации третьему лицу нельзя автоматически приравнивать к публичному распространению. Публикация сведений на странице социальной сети предполагает возможность ознакомления с ними широкого круга лиц. Напротив, направление обращения через официальную интернет-приёмную имеет совершенно другую цель: получить ответ или защиту со стороны конкретного органа [13, с. 108].

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 43-П подтвердил необходимость такого разграничения: использование Интернета как квалифицирующий признак применимо лишь тогда, когда лицо сознательно делает сведения доступными широкому или неопределённому кругу лиц [5]. Если же Интернет используется только как технический способ направления

адресного обращения, такой способ связи сам по себе не превращает обращение в публичное распространение. На мой взгляд, КС РФ сформулировал важный «тест фактической доступности»: значение имеет не канал передачи, а то, становилась ли информация фактически доступной неопределённому кругу лиц.

2. Электронные обращения и публичность: дело Роговой и Постановление КС РФ № 43-П

Особое значение имеет Определение Верховного Суда РФ от 12 марта 2026 г. № 4-УД26-3-К1 [9]. Рогова Л.Г. была осуждена по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ за публичное распространение заведомо ложных сведений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Она направляла обращения через официальные интернет-порталы и электронные приёмные органов публичной власти, сообщая о предполагаемом превышении полномочий со стороны других лиц.

Нижестоящие суды посчитали, что использование Интернета свидетельствует о публичном характере распространения. Однако Верховный Суд отменил решения и прекратил дело за отсутствием состава преступления. Суд установил, что обращение Роговой было связано с реализацией права на обращение, она была убеждена в достоверности изложенных обстоятельств и действовала с целью защиты своих прав. Это дело демонстрирует опасность «технического» подхода: если признать любое электронное обращение публичным распространением, гражданин окажется в менее защищённом положении только потому, что выбрал современный способ подачи заявления.

Проблема, возникшая в деле Роговой, получила конституционно-правовое разрешение в Постановлении КС РФ от 4 декабря 2025 г. № 43-П [5]. Суд признал ч. 2 ст. 128.1 УК РФ соответствующей Конституции РФ, но раскрыл её конституционно-правовой смысл. Использование сети Интернет как квалифицирующий признак предполагает наличие у лица осознанного намерения адресовать сведения широкому или неопределённому кругу лиц.

Если гражданин использует официальную интернет-приёмную для направления обращения, сам факт использования Интернета не означает публичного распространения.

Важный нюанс, который не всегда учитывается в литературе: если гражданин направил обращение через официальную приёмную, но сведения оттуда «утекли» и стали доступны широкому кругу лиц, ответственность за разглашение должна лежать на органе, обязанном обеспечить конфиденциальность, а не на гражданине. При этом КС РФ не предоставил абсолютной защиты: суд указал на возможность злоупотребления правом на обращение, когда гражданин сознательно использует обращения для распространения заведомо недостоверных и порочащих сведений. Форма обращения сама по себе не должна подменять установление признаков состава преступления.

3. Заведомость ложности и прямой умысел: определения КС РФ и дело Дмитриева

Не менее важным для разграничения является субъективная сторона преступления. Ключевое значение имеет слово «заведомо»: лицо должно осознавать ложность распространяемых сведений. Простого несоответствия информации действительности недостаточно. Эта проблема была рассмотрена КС РФ в Определении от 30 марта 2023 г. № 531-О [6], где суд указал на необходимость установления всех признаков состава клеветы и недопустимость объективного вменения. Как отмечает Н.А. Колоколов, установление субъективного отношения лица к сообщаемым сведениям представляет наибольшую сложность в делах о клевете [11, с. 5].

Если гражданин сообщает государственному органу о предполагаемом нарушении, а проверка показывает, что предположение не подтвердилось, сам по себе такой результат не означает клевету. Необходимо установить, что лицо знало о ложности сведений, а не просто ошиблось в их оценке. Добросовестное заблуждение и сознательная ложь — принципиально разные ситуации.

Эта позиция получила развитие в Определении КС РФ от 5 декабря 2019 г. № 3272-О [7]. Суд указал, что «само по себе обращение в государственный орган или орган местного самоуправления, обусловленное целью получения содействия по реализации прав и свобод обратившегося гражданина, не может рассматриваться как распространение (разглашение) информации». Эта позиция, сформулированная ещё в 2019 году, фактически предвосхитила подход, закреплённый в Постановлении № 43-П. Однако современная практика уточняет: недостаточно констатировать, что обращение «не является распространением». Необходимо установить, было ли оно действительно адресным либо под видом обращения информация доводилась до неопределённого круга лиц.

Показательным является Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 1-УД24-6-КЗ [8]. Дмитриев Н.В. был осуждён по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ за докладную записку, направленную работодателю после конфликта с коллегой. Мировой судья признал сведения заведомо ложными. Однако ВС РФ отменил решения и прекратил дело: докладная была направлена конкретному работодателю, а наличие конфликта само по себе не доказывает сознательное распространение ложных сведений. Человек может эмоционально воспринимать произошедшее и субъективно преувеличивать значение действий другого лица, но для уголовной ответственности необходимо доказать именно заведомость ложности [14, с. 137].

4. Обратная граница: когда состав клеветы установлен

Для полноты анализа необходимо учитывать не только случаи исключения ответственности, но и ситуации, в которых состав клеветы был установлен. Приговором Ленинского районного суда г. Красноярск от 19 января 2024 г. по делу № 1-113/2024 [10] Копылова Ю.А. была признана виновной по ч. 4 ст. 128.1 УК РФ. Она использовала электронную систему общеобразовательного учреждения и распространила среди нескольких пользователей сведения о том, что потерпевшая якобы имеет ВИЧ-инфекцию.

Суд установил заведомую ложность и прямой умысел на причинение вреда репутации.

Это дело позволяет провести обратную границу. Использование электронной системы не является достаточным основанием для ответственности, но если доказано, что лицо сознательно довело сведения до нескольких пользователей, знало об их ложности и стремилось опорочить потерпевшую, электронная форма становится способом фактического распространения [15, с. 34]. Решающим является не технический канал, а направленность умысла. Копылова использовала электронную систему не для обращения в государственный орган, а для распространения сведений среди других пользователей. В деле Роговой электронная система была использована для направления адресного обращения. В деле Копыловой — для доведения сведений до нескольких лиц. Это принципиально разные ситуации, хотя в обоих случаях использовались цифровые технологии.

5. Критерии разграничения и их практическое значение

Проведённый анализ позволяет предложить критерии, которые могут использоваться при рассмотрении подобных дел.

Первый критерий — адресность. Необходимо установить, кому именно предназначалась информация. Если обращение направлено конкретному органу или должностному лицу в установленном порядке, это обстоятельство свидетельствует в пользу права на обращение. Однако адресность не исключает ответственности при злоупотреблении формой.

Второй критерий — способ доведения информации. Следует установить, оставалась ли информация в рамках адресного взаимодействия или была сознательно доведена до широкого круга лиц. Публикация на открытом ресурсе существенно отличается от направления обращения через официальную интернет-приёмную.

Третий критерий — отношение лица к достоверности сведений. Нужно установить, считал ли гражданин сведения достоверными. Добросовестное

заблуждение нельзя приравнивать к клевете. Если доказано, что лицо знало о ложности и сознательно сообщило её, ситуация принципиально иная.

Четвёртый критерий — цель поведения. Если целью было добиться проверки и защитить своё право, это имеет существенное значение. Если обращение использовалось как способ опорочить другого человека, правовая оценка должна быть иной. Цель должна выводиться из совокупности обстоятельств дела.

Пятый критерий — содержание информации. Утверждение о конкретном событии может быть проверено на соответствие действительности. Оценочное мнение по своей природе субъективно и не образует состава клеветы.

Шестой критерий — совокупность обстоятельств. Ни один из критериев не должен использоваться изолированно. Комплексная оценка позволяет избежать двух ошибок: необоснованного расширения уголовной ответственности и отказа от защиты прав потерпевших от клеветы. Граница между реализацией права на обращение и клеветой должна определяться не по форме документа и не только по способу его направления, а по совокупности обстоятельств: адресат → способ передачи → содержание → достоверность → отношение лица → цель → фактическая доступность информации. Предложенный подход может быть использован при подготовке методических рекомендаций для следователей и дознавателей.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что проблема разграничения клеветы и реализации права на обращение не может быть решена одним формальным правилом. Обращение гражданина в государственный орган само по себе не является основанием для вывода о наличии клеветы, но и ссылка на право на обращение не должна автоматически исключать уголовно-правовую оценку.

Использование сети Интернет не означает публичного распространения, особенно когда речь идёт об официальных электронных приёмных.

Обязательной является оценка субъективной стороны: для клеветы необходимо установить заведомую ложность и прямой умысел, а не просто констатировать несоответствие сведений действительности. Адресность обращения не является безусловным основанием для исключения состава клеветы, а выступает одним из элементов общей оценки поведения лица. Решающее значение имеет сочетание адресности, способа распространения, содержания сведений, отношения лица к их достоверности и цели поведения.

Научная новизна исследования состоит в предложении рассматривать адресность обращения как один из элементов комплексной оценки, а не как самостоятельное основание для исключения уголовной ответственности. Предложенные критерии могут применяться как в судебной практике, так и при предварительной проверке сообщений о преступлениях, что особенно актуально в условиях цифровизации государственного управления.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изм. и доп. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : с изм. и доп. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : с изм. и доп. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» : с изм. и доп. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2025 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Г. Роговой» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512050001> (дата обращения: 06.10.2026).

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 марта 2023 г. № 531-О // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 3272-О // СПС «КонсультантПлюс».

8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 1-УД24-6-К3 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2026 г. № 4-УД26-3-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Приговор Ленинского районного суда г. Красноярск от 19 января 2024 г. по делу № 1-113/2024 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.10.2026).

11. Колоколов, Н.А. Клевета: проблемы квалификации и правоприменения / Н.А. Колоколов. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 208 с.

12. Климкина, Е.И. Разграничение клеветы и смежных составов преступлений / Е.И. Климкина // Уголовное право. 2023. № 3. С. 139–145.

13. Жилин, С.Е. Клевета в сети Интернет: особенности квалификации / С.Е. Жилин // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 107–112.

14. Ступина, В.А. Проблемы квалификации преступлений против чести и достоинства / В.А. Ступина // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 136–142.

15. Артеменко, Н.В. Границы ответственности за клевету в сети Интернет / Н.В. Артеменко // Уголовное право. 2024. № 1. С. 33–38.